

**Исследования подросткового периода: обзор европейских исследований
90-х годов и их перспективы.**

Современные подходы, изучающие подростковый период, больше уже не описывают его как период "шторма и стресса", а вместо этого придают особое значение процессам изменения и приспособления, которые происходят в ответ на переходный период в развитии. Данная статья рассматривает эти и другие направления, представленные в современных работах по подростковому периоду, а затем переходит к обсуждению 4-х основных областей исследования: полового созревания, идентификации и Я-концепции, проблем подросткового развития и развития общества, которые, вероятно, останутся предметом исследовательского интереса в Европе в 90-х годах. Также обсуждаются возможные новые направления исследований. Предполагается, что политические и другие изменения в Европе, вероятно, придадут большую значимость результатам исследований миграции и кросс-культурных различий в восприятии семейной жизни. Также обсуждается возможное влияние современных исследований познавательных процессов, социального познания и динамических систем на изучение подросткового периода. В заключение утверждается, что развитие новых теоретических перспектив изучения подросткового периода, вероятно, является особенностью исследований в текущем десятилетии и в дальнейшем.

За последние 20 лет произошли большие изменения в направлениях исследования подросткового возраста. Это повлекло за собой отказ от представления о том, что подростковый период может быть описан наиболее точно как период "шторма и стресса" (например, A.Freud,1969; Hall,1904), а также принятие более широкой и менее проблемоцентрированной концепции (Coleman,1979; Jackson & Bosma,1990). В последнее время придается особое значение процессам изменения и приспособления, которые появляются в ответ на различные задачи и перемены, которые обычно происходят в период

подросткового развития. Такая ориентация помогла разбудить исследовательский интерес к подростковому периоду в развитии личности. Вместо прежнего взгляда исследователей на него как на конец детства или как на начало взрослости, теперь он сам рассматривается как область для исследований, что отмечается в возросшем количестве исследований.

Цель статьи — обсудить некоторые основные особенности этих исследований и рассмотреть их значение для исследований подросткового периода в ближайшем десятилетии. Однако для нас не является целью обеспечить исчерпывающий критический обзор текущих европейских исследований подросткового периода. Скорее, мы хотим представить наиболее важные темы современных исследований и попытаться определить их дальнейшее развитие. В соответствии с названием и основной тематикой данного специального издания, мы ограничимся исключительно обсуждением исследований развития в контексте Европы. Это не означает, что влияние исследований подросткового возраста, проводящихся за пределами Европы, в будущем маловероятно. Возможно, наибольшее влияние идет из Северной Америки, и современные обсуждения рамки и возможных будущих направлений исследований с этой стороны также полезны (Dornbush, Petersen & Heterington, 1991; Feldman & Elliot, 1990; Petersen, Silbereisen & Sorensen, 1991).

В основном внимание будет уделено исследованиям подросткового периода в русле концепции развития в противовес клиническим, социальным и социологическим концепциям. Однако признано, что значение работ, имеющих дело с подростковым возрастом, не является ограниченным только данным периодом развития. Они, возможно, повлияют на будущие исследования развития. С их позиций могут быть даны некоторые соображения для других областей или направлений, которые, возможно, станут влиятельными в последующие годы.

Новые подходы в исследовании подросткового периода.

Перед тем как рассмотреть основные изменения в исследовательской работе и их значение для будущих исследований подросткового периода, обратимся к нескольким другим изменениям, которые повлияли на современное понимание подростничества. Во-первых, это развитие более интегрированного представления, которое понимает и принимает во внимание влияние изменений в одной области развития на развитие в других областях. Например: работа Silbereisen и Kracke о связи между переживанием пубертата и присоединением к девиантным подросткам (Silbereisen & Kracke, в печати); исследования Палмонэри и его последователей различных моделей взаимоотношений с ровесниками и родителями и их роль в реакции подростков на задачи развития (например: Palmonari, Pombeni & Kirchler, 1989, 1990; Palmonari, Kirchler & Pombeni, 1991); различные работы, связанные с совладающим поведением и развитием Я-концепции (см Bosma & Jackson, 1990). Это более интегрированное представление не ограничено исключительно подростничеством, оно также может включать взаимодействие между особенностями подросткового развития (Я-концепция, социальные отношения) и переживаниями в период детства (например, Hodges & Tizard, 1989, Magnusson, 1988).

Во-вторых, это акцент, который сейчас делается на индивидуальном активном участии подростка в его/ее собственном развитии (Brandstadter, 1984, Lerner & Busch-Rossnagel, 1981). Хотя можно в целом не соглашаться с Lerner & Busch-Rossnagel, что индивид сам является субъектом собственного развития, признание того, что процессы переработки информации и личное принятие решений участвуют в контроле за изменениями развития, привнесло дополнительный материал в современные исследования подросткового возраста. Развитие происходит в результате взаимодействия физического созревания, процессов социализации в детстве, социокультурного давления, связанного с подростковым периодом, а также при активном участии самой личности

подростка. Близко связано с акцентом на активной роли личности признание важности экологических факторов (Lehr & Bonn, 1974; Magnusson, 1988). Расширяется круг людей, которые оказывают влияние на молодого человека, однако это не касается родительского или взрослого окружения. В одном кругу людей подросток может меняться в зависимости от разных ситуаций и происходящих событий, в другом — может сам задавать пространство и существо отношений (Siebereisen & Noack, 1990). В определенных ситуациях родительский (или взрослый) контроль, руководство или поддержка имеют меньшее влияние, чем в детские годы. Подросток способен обратиться к своему собственному ресурсу и больше обращается к сверстникам за подходящими моделями поведения в особых ситуациях. Новые ситуации и предъявляемые ими требования, вероятно, способствуют развитию дополнительных личных ресурсов и умений. Однако иногда могут потребоваться особые модели социальных реакций, а навыки, необходимые для соответствующей реакции, могут быть еще не развиты (Furnham, 1986; Rutter, 1989). Характер реакции и ее результат могут иметь важные последствия для будущих моделей поведения, а также для самовосприятия и чувства собственной эффективности подростка (Bandura, 1981). Это означает, что путь развития одного подростка может сильно отличаться от путей развития его/ее ровесников (Magnusson, 1988; Robert & Parsell, 1989; Rutter, 1989; Wallace, 1989).

Такие изменения в исследованиях подростничества возникли параллельно с ориентацией на лонгитюдные исследования (Dornbush и др., 1991) и с появлением новых сильных техник, основанных на моделировании структурных уравнений для получения выводов относительно данных исследования (Bentler, 1980; Biddle & Marlin, 1987; Joreskog & Sorbom, 1984). Эти техники включают каузальное моделирование, путевые диаграммы и такие методы, как LISREL для модельного анализа. Хотя их появление не уменьшило трудностей, возникающих при исследовании подростковых групп, они расширили рамки исследовательских вопросов (например: Bentler, 1986, 1987; Bentler & Speckart, 1981; Siebereisen, Boehnke & Reykowski, 1986).

Современные направления исследований подросткового возраста в Европе.

Вероятно, концептуальные и методологические изменения, о которых было сказано выше, будут продолжать направлять и обогащать исследования подросткового периода в 1990-х годах и далее. Можно также ожидать, что большинство современных работ будут продолжены в следующем десятилетии. Имея это в виду, давайте обратимся к некоторым важным исследовательским работам, которые ведутся в Европе в настоящее время.

Современные европейские исследования подросткового периода можно разделить на 4 области: физическое созревание; идентификация; проблемы подросткового развития; социальное развитие. Наряду с более интегрированными подходами, о которых мы говорили выше, следует подчеркнуть, что ни одна из этих областей не замыкается в себе. Работы, относящиеся к какой-либо одной сфере, обычно содержат ссылки на другие области. Тем не менее, отправная точка и основной стимул для этих работ лежит в одной из четырех названных областей.

Физическое созревание.

Основной акцент большинства работ по физическому созреванию делается на определении временных границ различных физических изменений, связанных с пубертатом (Tanner, 1962), и исследовании психологических эффектов раннего и позднего пубертата (Davies, 1977; Jones, 1957; Mussen & Jones, 1957). В последнее время североамериканские и европейские исследователи склонны делать акцент на взаимоотношениях между биологическими изменениями в подростковом возрасте и развитием в других областях, таких, как самовосприятие, социальные отношения и поведение в социуме.

Три работы иллюстрируют этот тип исследования. Недавно Stattin и Magnusson (1990) сообщили о результатах обширного исследования, касающегося влияния периода полового созревания на формирование фемининности. Пубертатные лидеры сообщили о серьезных проблемах и высказали недовольство своим темпераментом. Также они отметили большие проблемы в отношениях с

родителями, особенно с матерями, и с другими взрослыми, — например, с учителями. Данные показали, что инициаторами таких конфликтов чаще были девочки, нежели взрослые. Время полового созревания также связано с моделями социальных взаимоотношений. Однополые взаимоотношения складываются преимущественно из пубертатного статуса: пубертатные лидеры предпочитают общаться с другими пубертатными лидерами, а отстающие в развитии — с подобными себе. Рано созревшие девочки общаются с более старшими мальчиками и приобретают сексуальный опыт в более раннем возрасте, чем остальные девочки, а также у них большая вероятность абортов в подростковом периоде.

В противовес предыдущим работам (например, Brooks-Gunn, 1987; Rockett & Petersen, 1987), которые утверждали относительно ограниченную связь между временем полового созревания и психологическими процессами, работа Статина и Магнуссон показывает причастность различных областей психологического развития к пубертату. Некоторые подтверждения этого основного открытия также содержатся в исследовании, проведенном Silberisen (Silberisen, Petersen, Albrecht & Kraske, 1989; Silberisen & Kraske, в печати).

Как и Статин и Магнуссон, Силберейсен и его коллеги исследовали взаимоотношения между временем полового созревания и различными аспектами психологического развития мальчиков и девочек. Основные области, охватываемые этой работой, включают: влияние периода полового созревания на самовосприятие и социальные взаимоотношения с родителями и ровесниками; связь между периодом полового созревания и проблемным поведением подростков, таким, как курение и употребление алкоголя; влияние социальных процессов — особенно стрессовых — на пубертатное развитие. Результаты наводят на мысль о том, что раннее половое созревание по-разному влияет на девочек и мальчиков. Оно является, вероятно, более позитивным для мальчиков, чего нельзя сказать о девочках. Рано созревающие девочки общаются со старшими мальчиками, становятся непопулярными среди девочек-ровесниц, курят и употребляют алкоголь. Подростки, отстающие в половом

созревании, находятся в невыгодном положении относительно всех сфер развития по сравнению со своевременно созревающими ровесниками. Предметом исследования, недавно проведенного Rodriguez-Tome и его коллегами в Париже, являются три основные области психологического развития, связанные с биологическим развитием в раннем подростковом возрасте: когнитивные процессы, Я-концепция и социоэмоциональные реакции. Эта работа является необычной, так как отклоняется от метода самоописания и использует измерение пубертатного статуса, впервые разработанного Tanner (1962), в сочетании с психологическими измерениями. Включение когнитивных измерений распространяется на более социальные и поведенческие переменные, которые являются основным предметом внимания по обе стороны Атлантики. Предварительный анализ показал, что девочки расценивают в качестве положительной стороны пубертата свою физическую привлекательность, а свое физическое состояние оценивают более негативно, чем мальчики. Оценка мальчиками своих взаимоотношений с девочками улучшается по мере физического созревания, тогда как оценка девочками своих взаимоотношений с мальчиками более или менее постоянна в течение всего периода полового созревания.

Таким образом, современные европейские работы показали, что время полового созревания связано с более широким кругом областей психологического развития, чем предполагалось ранее. Вероятно, будут осуществляться попытки дальнейшей поддержки этого открытия за счет включения в исследование и других аспектов психологического функционирования. Работа Силберейсен об отношении между стрессом и временем полового созревания и включение когнитивных измерений Rodriguez-Tome, связанных с детальной информацией об изменениях в пубертатном статусе, говорят о том, что это уже происходит. Дальнейшее развитие подобных исследований не обязательно нуждается в ограничении вовлечения дополнительных психологических переменных. Больше внимания также должно уделяться эндокринным изменениям, происходящим в пубертатной фазе, и их возможному отношению к кратко-или долгосрочным

изменениям в темпераментальном и интеллектуальном функционировании и к половым различиям (например: Klintonberg, Schalling, Edman, Orelan & Asberd, 1987; Klintonberg & Magnusson, 1989). Подобным образом, факт отсутствия приблизительного ритма на специфических стадиях созревания нуждается в дальнейшей проверке (Carskadon, 1991).

Идентификация и Я-концепция.

В Северной Америке и Европе эмпирические работы в этой области развития представляют собой довольно спутанную картину. Различные теоретические направления, использующие одни и те же концепции с различными коннотациями, применяются к различным аспектам (проблемным или иным) развития в подростковом возрасте. Понятие идентификации, например, является характерной чертой подросткового периода в общесмысловом значении, но используется в различных значениях в теории развития "Я" Э.Эриксона, в исследованиях развития Я-концепции и в социально-психологических теориях, применяемых к поведению подростка. В то время как смысл этого понятия различен в каждом из этих направлений, попытки дать определение не часты. Иногда этот термин используется описательно, объединяя в себе широкий круг аспектов поведения и приспособления подростка, в других случаях он используется для объяснения проблем подростка (смотрите далее: Honess & Yardley, 1987; Yardley & Honess, 1987). В результате отношение между данными различных исследований идентичности в подростковом возрасте часто оказывается неясным. Приоритетом для будущей работы является определение назначения понятия идентичности для появления концептуальной и терминологической ясности в этой области (Slugoski & Ginsburg, 1989; Von der Werff, 1990).

Давайте обратимся к трем обширным ориентациям исследований развития идентификации и Я-концепции в подростковом возрасте. Первая заключается в работе из эго-психологической позиции, которая ставит целью определить идентификационный статус подростка. Вторая — это исследование, в котором Я-концепция и ее развитие изучаются в пределах более социальной

когнитивной позиции. Третья рассматривает понятие "идентичность" из социально-психологической позиции. В каждой из этих традиций понятия "идентичность" и "Я-концепция" часто используются в отношении к подростковым проблемам и адаптации. Это направление будет проиллюстрировано в заключительной части этой главы кратким обсуждением исследования, касающегося групп национальных меньшинств.

Работа имела целью определить идентификационный статус индивида, который происходит из эго-психологического представления (E rikson, 1964), что подростничество характеризуется кризисом идентичности. (Для более широкой оценки подросткового кризиса идентичности как поведенческого проявления интрапсихической структурной реорганизации см.: K orger, 1980.). Внутри этой ориентации Марсиа (1980) определил формирование идентичности через поведение как выполнение обязательств в позднем подростковом возрасте и числом исследований, включенных в этот процесс. Субъекту приписывается идентификационный статус на основе интервью, которое определяет количество исследований и обязательств в специфических сферах (профессия, занятия, политика, религия и взаимоотношения). В сравнении с Северной Америкой исследования идентификационного статуса в Европе достаточно скудны. Проводящаяся работа включает изучение отношений идентификационного статуса и семейного окружения (Bosma & Gerrits, 1985), выбора сферы обучения в университете (Co sta & Capos, 1990) и одиночества (Ma rcoen & Goossens, 1989). Goossens (1990) провел лонгитюдное исследование идентификационного статуса, а Mee us (1992) изучил отношение между занимаемым идентификационным статусом и социальной поддержкой. Босма (1992) разработал новую процедуру — шкалу развития идентичности, которая открывает новые возможности для дальнейшего исследования процесса формирования идентичности и природы идентификационных изменений в подростковом возрасте.

Социальные когнитивные подходы более склонны использовать термины "Я-концепция" и "самооценка", чем "идентичность". Первый из них обычно

является характерной чертой исследований приспособления в качестве зависимой или независимой переменной (Bo sma & Jackson, 1990; Oppenheimer, 1990). Более ограниченное внимание уделяется развитию и характеристикам Я-концепции. Oosterwegel & Oppenheimer (1990) выделили среди других характеристик Я-концепции такие, как "реальное Я" и "идеальное Я", и исследовали, как они развиваются от детства к подростковому возрасту. Rodriguez-Tome & Bariaud (1984) показали, что с возрастом Я-концепция включает все больше и больше психологических и социально-интеракционных характеристик.

Другая работа концентрировалась больше на стабильности Я-концепции, чем на ее сути. Результаты показывают, что как Я-концепция, так и самооценка имеют тенденцию оставаться стабильными на протяжении подросткового возраста; доказательств того, что подростковый период является стрессовым, практически не было получено (Alsaker & Olweus, 1989; Fend, 1990).

Третья ориентация в исследовании подростковой идентичности происходит из социальной теории идентичности. Здесь центр внимания находится на "той части Я-концепции личности, которая происходит из понимания своей принадлежности социальной группе (или группам), а также ценности и эмоциональной значимости, придаваемой этой принадлежности" (Tajfel, 1982, p.2). Использование теории социальной идентичности в исследовании подросткового возраста относительно ново. Оно демонстрирует растущий интерес к социально-психологическим подходам в изучении подростничества. Хорошим примером этого направления является работа Палмонэри и его коллег (Palmonari, Pombeni & Kirchler, 1989, 1992) и Bank (1991). Результатом, который, возможно, усилит будущий интерес, является связь между социальными и личностными аспектами идентичности. В то время как эго-центрированный и когнитивный подходы придают особое значение личностным и интрансихическим измерениям идентичности, социально-психологические подходы акцентируют внимание на социальных (внешних) величинах. До сих пор пока не ясно, как эти различные измерения концептуально и эмпирически связаны (сравните: Malewska-Peyte,

1990).

Запутанная картина исследования идентичности и Я-концепции — использование понятий в разных значениях и с позиций разных концепций — очевидна в исследовании развития идентичности в подростковых группах национальных меньшинств. В последнем обзоре Марковой "Современные проблемы подросткового возраста. Результат миграций в Европе" делается такой же вывод. Она также отмечает проблемы с термином "идентичность": он используется и как описательный, и как объяснительный.

Изучение групп национальных меньшинств обычно начинается с предположения, что формирование идентичности более проблематично для этой части популяции, что у них негативная Я-концепция и низкая самооценка (Breakwell, 1986; Malewska-Peyre, 1990; Verkuyten, 1989; Weinreich, 1979, 1990). Результаты не дают прямого подтверждения этого предположения. Они наводят на мысль, что появление идентификационных проблем или отсутствие таковых зависит от комплекса промежуточных факторов, таких, как степень этнических и культурных контрастов, присутствие или отсутствие языковых трудностей, религиозная включенность, уровень расизма и этноцентризма в обществе, образовательные и общеэкономические возможности. Различия во влиянии таких факторов, вероятно, и определяют противоречивость полученных результатов. Два исследования (Malewska-Peyre, 1990; Weinreich, 1990) доказательства диффузии идентичности и негативной Я-концепции, в то время как исследование Verkuyten продемонстрировало высокую самооценку. Возможно, основной результат подобной работы состоит в том, что она показывает сложность процессов, происходящих в модификации и сохранении идентичности, Я-концепции и самооценки в социальных контекстах. Будущие усилия исследований должны быть направлены на объяснение сложных процессов и влияющих на них факторов.

Несмотря на центральное место, которое обычно занимает идентичность в подростковых исследованиях, она остается областью, в которой все так же много проблем и неопределенности. Отсутствие терминологической и концептуальной

ясности показывает, что идентичность останется основным фокусом исследований в течение следующего десятилетия и в дальнейшем.

Проблемы подросткового развития.

Теория "шторма и стресса" удерживала внимание на проблемах развития в подростковом возрасте и частично поддерживалась широким кругом сводным образом ориентированных исследований. Последующее забвение теории произошло отчасти в результате клинических исследований, сфокусированных на эпидемиологии подростковых трудностей (Douvan & Adelson, 1966; Offer, 1969; Rutter, Graham, Chadwick & Yule, 1976). Эти исследования показали, что большинство молодых людей не переживают подростничество как период "шторма и стресса".

Последующие работы по проблеме подростничества могут быть разделены на два обширных класса. Первый — это работы преимущественно клинического характера, т.е. основная их цель — сосредоточиться на характеристиках проблемы как таковой или на ее разрешении (лечении). Проблема, типично возникающая в подростковом возрасте - пищевые расстройства (например: Johnson-Sabine, Wood, Patton, Mann & Wakeling, 1988) или подростковая преступность, и ссылка может быть сделана на процессы развития, но это направление — скорее клиническое, чем находящееся в русле психологии развития, поэтому оно не будет рассматриваться далее.

Второй класс — это исследования, использующие более ориентированные на психологию развития подходы. В этом типе исследований может быть выявлено разнообразие различных направлений. Они включают: исследования проблемного поведения, такого, как принятие наркотиков, алкоголизм, хулиганство и преступность(напримр: Magnusson, Stattin & Duner, 1983); исследования, посвященные специфическим областям подростковых трудностей, таким, как тревожность (Rodriguez-Tome & Bariaud, 1990), сложные школьные ситуации (Tyszkova, 1990), опасности для здоровья (Hurrelman, 1990; Hurrelman & Losel, 1990), одиночество (Marcoen & Brumagne, 1985), внешность (Davies & Furnham, 1986); исследования отношений между опытом раннего детства и поведением

подростка (Hodges & Tizard, 1989; Rutter, 1989) или поведенческих различий в раннем и позднем подростковом возрасте (Andersson, Bergman & Magnusson, 1989); исследования происходящих в подростковом возрасте изменений (Honest & Edwards, 1990; Seiffge-Krenke & Schullman, в печати) и, наконец, работы, связанные с тренинговыми техниками в работе с подростками (Spence, 1982; Renwick & Emler, 1991; Jackson, Bomsa & Everts, 1990).

Каждое из этих исследовательских направлений, вероятно, будет продолжено в 1990-х годах. Возможно, основное внимание будет уделено сходству между поведением в раннем возрасте и более поздним поведением, регуляции поведения и изучению тренинговых методик. Различные изменения, которым подвергаются все подростки, и критические жизненные события, которые приходится переживать большинству из них, предъявляют высокие требования к ресурсам подростка. Количество и уровень ресурсов, имеющихся у каждого индивида, сами по себе влияют на качество ответных реакций. Сфера и качество отношений, предыдущий опыт, область специфических навыков (социальных, когнитивных и т.д.), развиваемые стратегии и открытость соответствующей помощи извне, совету и т.д. — все это характерно для данного контекста.

Социальное развитие.

В течение подросткового периода происходят значительные изменения в моделях взаимоотношений. Большое значение придается ровесникам как людям, дающим советы, обеспечивающим поддержку и обратную связь, как образцам моделей поведения и источникам сравнительной информации о личных качествах и умениях. Отношения с родителями становятся более равноправными и взаимными (Damon, 1983), а родительский авторитет становится областью, открытой для дискуссий (Coleman & Coleman, 1984).

Эта картина была собрана и получила дальнейшее развитие благодаря множеству современных исследований. В лонгитюдном исследовании 2000 немецких подростков 12-ти лет, продолжавшемся 5 лет, Fend (1990) исследовал взаимосвязь между развитием силы Я и социальными взаимоотношениями. Основой для измерения силы Я была серия шкал, которые оценивали различные

аспекты Я-концепции, чувство контроля и самооценности. Fend показывает, что тот факт, что сила Я со временем ослабевает, связан с растущим социальным разрывом между родителями и детьми. Он также показывает, что взаимоотношения «взрослый — подросток» более важны для развития силы Я, чем взаимоотношения с ровесниками. Тем не менее оба типа взаимоотношений важны для того, чтобы успешно справиться с задачами развития в подростковом возрасте, т.к. оба они способствуют формированию позитивной Я-концепции.

Значение обоих видов взаимоотношений подтверждается исследованиями, проведенными Палмонэри и его коллегами (Palmonari, Pombeni & Kirhler, 1989; Palmonari, Kirhler & Pombeni, 1991). Часть этой работы включает исследование того, как итальянские подростки используют различные взаимоотношения, чтобы справляться с различными типами проблем, с которыми они сталкиваются. Традиционная модель ("шторм и стресс") считает прогрессом в подростковом развитии замену родителей как референтных лиц ровесниками. Фактически, Palmonari и его коллеги показывают, что молодые люди действуют избирательно. В зависимости от вида проблемы, подростки обращаются то к родителям, то к ровесникам. Аналогичные данные были получены в Голландии.

Вышеупомянутые исследования использовали опросники и интервью с большим числом подростков, а иногда и с родителями. Они демонстрируют картину тенденций внутри подростковой популяции, но не могут изучить более тонкие аспекты взаимоотношений родитель-подросток и то, как они могут меняться со временем. Другие исследователи сделали попытку изучения взаимоотношений отцов и детей более динамическим образом, используя опросник и интервью в паре (Noller & Bagi, 1985; Youniss & Smollar, 1985). Honess & Lintern (1990), расширили подобную работу благодаря усовершенствованию метода, с помощью которого можно интерпретировать данные в моделях или системах взаимоотношений. Их подход включает получение кодированных результатов из отдельных интервью с двумя членами семьи (мать и дочь-подросток). Процедура кодирования основана на перспективах обоих индивидов и открывает путь операционализации

результатов, включая конфликт, зависимость, независимость и взаимозависимость. Подход предоставляет богатые возможности для детального изучения как взаимоотношений внутри семьи, так и за ее пределами.

Удивительно мало внимания уделяется тому, что может быть названо социальными когнитивными походами к подростничеству. Мы обсудим в заключительной части этой статьи, как разработки в области социального когнитивного исследования вполне могут стать важной точкой роста в будущих исследованиях подросткового возраста. Пока же давайте ограничимся высказыванием, что большое количество социальных когнитивных исследований подростков имели тенденцию сосредотачиваться на содержании мыслей подростков о людях (например, Livesley & Bromley, 1973; O'Mahony, 1986) или социальных институтах (см. Furnham & Stacey, 1991, в печати). Внимание было уделено также структуре личности подростка, но сделано мало попыток изучения развития и изменения социального мышления в подростничестве — как оно модифицируется с опытом и как применяется к различным социальным мирам.

Возможные направления дальнейших исследований.

Современное увеличение исследований подростничества означает, что, возможно, менее рискованно предсказать направления, которые сохраняют значимость в 1990-х годах, чем в случае с другими областями психологии развития. Этого нельзя сказать относительно определения новых направлений исследования. Здесь, вместо оценивания и экстраполирования современных исследований, необходимо прибегнуть к интуициям менее определенной природы. Две таких интуиции могут помочь определить новые направления. Первая включает обращение к тенденциям и изменениям — социальным, политическим и т.д., — которые имеют место в Европе, и рассмотрение их потенциального значения для развития подростков. Это может помочь получить более точную картину будущего. Вторая интуиция — обращение к разработкам, имеющимся в других исследовательских областях, чтобы понять, могут ли они

поставить вопросы, близкие нашим размышлениям о подростничестве.

Изменения в Европе и их значение для исследования подросткового возраста.

Политические, социальные и экономические изменения, которые либо происходят, либо ожидаются в Европе, влияют на многие аспекты жизни. Некоторые из этих изменений, вероятно, имеют особое значение для подростков. Возросшая незащищенность по отношению к различным социальным и культурным нормам, вероятно, является результатом возросшей миграции. Это может бросить вызов существующим представлениям о семейной жизни, смертности, личным надеждам или привести к напряжению внутри семьи и между социальными группами. Экономическое неравенство между различными частями Европы может быть выдвинуто на первый план благодаря развитию международных средств связи. Такие проблемы, как оскорбление реальных ценностей, могут быть отнесены к культурам, которые плохо подготовлены для того, чтобы иметь с ними дело

Такие изменения, возможно, приведут к появлению исследовательских работ, более ориентированных на межкультурные различия, на влияние специфических форм социальных изменений на взгляды молодых людей, на различия между подростками, возникающие из многообразия образовательных возможностей или возможностей для работы. Поскольку разнообразие в языке, моделях семьи, культурном и историческом прошлом, экономическом благосостоянии и т.д. между различными частями Европы означает, что рискованно делать попытку распространять данные исследований из одной области в другую, межкультурные работы, вероятно, будут играть особо значимую роль. Возможно, что определенные темы будут особенно "выпуклыми". Среди них - различный опыт семейной жизни, последствия социального и финансового неравенства, эффекты влияния миграции на развитие молодых людей, проблема поведения и ее разрешение, перспективы образования и работы. Уже появились публикации, касающиеся этих тем. Некоторые из них узко описаны на языке, характерном для их географического местоположения. Тем не менее, они предлагают модели

способов исследования, которые, вероятно, будут уместны в развивающейся Европе. Например, исследования бросивших школу в различных социальных группах с различными планами на будущее Honess и Edwards (1990); обзор понимания общества подростками Furnham и Stacey; работа Selbereisens об адаптации русско-немецких эмигрантов к немецкому обществу (Selbereisens & Kracke, в печати); исследования, посвященные различиям между родителями и подростками во взглядах на подростничество (Zani, Xerri, Bosma & Jakson, 1992).

Возможное влияние других областей исследования.

Пространство и границы предмета, обсуждаемого в предыдущей части этой статьи, представляют собой важный объект будущих исследований. Тем не менее, мы придерживаемся мнения, что современные разработки в области познания, социального познания и теоретические исследования развития могут иметь важное значение для психологии подростка и что они, следовательно, должны быть кратко рассмотрены.

Способность к формальному операциональному мышлению обычно рассматривают как одну из ключевых характеристик, которая отличает подростка от ребенка. Это так, несмотря на данные исследования, которое показывает, что большинство молодых людей не достигли этого уровня мышления к 16 годам (Shayer, Kuchemann и Wylam, 1976, Shayer и Wylam, 1978). Идея о том, что эта характеристика является ключевой, вероятно, происходит отчасти из того факта, что теория Пиаже предлагает ее в качестве объяснения изменений в содержании и фокусе мыслей молодых людей, которые происходят около 13 лет (например: Livesly и Bromley, 1973). Современные разработки в области познания могут открыть новые пути для концептуализации процессов мышления в подростковом возрасте и могут привести к альтернативным способам объяснения внутри- и межличностных изменений.

Существующие разработки основаны на использовании компьютерных исследований, в которых модели структур и процессов мышления разработаны и проверены хорошо отобранными экспериментальными процедурами. Это ведет к значительному прогрессу в понимании умственного поведения в таких сферах, как обладание конкретными знаниями (Chi, 1987), приобретение способностей (Anderson, 1983), разрешение проблемы (Larkin, 1985), принятие решения (Fox, 1987) и эмоции (Prijda, 1986).

Эти разработки одна за другой вели к попыткам объединить эти работы в когнитивные построения (например: АСТ, Anderson, 1983) или единые теории познания (Newell, 1991). Будущий прогресс в этой области должен предоставить модели умственного поведения, которые могут служить основой для объяснения различных уровней когнитивного выполнения у одного индивида на определенной стадии развития или различий в выполнении между индивидами одного возрастного уровня.

Как установлено ранее, исследования социального познания в подростковом возрасте характеризуются пристрастием к установлению содержания мыслей молодых людей о других или о социальных институтах. Очень небольшое внимание уделено процессам вовлечения в социальное познание. В результате мало известно о взаимоотношениях между доступными мыслями и тем, как эти мысли используются. Установлено (например, Jackson, 1987), что 13-летние используют психологические конструкции для того, чтобы выделиться среди ровесников, но не используют их, когда встречаются новых знакомых одного и того же возраста и пола в групповой ситуации. 15-летние используют психологические конструкции в обеих ситуациях. Также мы все еще очень мало знаем о процессах социального познания, которые способствуют выбору друзей, развитию гетеросексуальных взаимоотношений и адаптации специфических форм социальной идентичности, включая связанные с принятием в группу или компанию.

Процессы включения в принятие социальных решений, роль обработки информации в социальных ситуациях, "Я" как когнитивный прототип,

коммуникация и социальное понимание являются примерами некоторых тем из потока исследований когнитивного познания (например: Canton и Kihlstrom, 1981; Wyer и Srull, 1984). Области, подобные этим, могут быть рассмотрены как особенно уместные в период жизненного цикла, который показывает значительное развитие и изменения в мыслях индивида о себе самом и в моделях взаимоотношений. Некоторые авторы, например, приписывают очень важную роль самовосприятию в восприятии других (Makrus & Smith, 1981, Markus, Smith & Moreland, 1985, Rogers, 1981). Маркус и его коллеги (1985) утверждают, что "Я" используется для получения информации о других в ситуации, где отсутствуют другие "сильные когнитивные структуры", Роджерс утверждает, что "Я" может функционировать как вид прототипа, который определяет способ, по которому катетеризируются другие. Эти идеи о роли самовосприятия трудно согласовать с такими характерными особенностями подростничества, как формирование идентичности (Erikson, 1964; Marcia, 1980) и экспериментирование с отношениями (Coleman, 1974; Douvan & Adelson, 1966). Если личная идентичность не установлена, то какой смысл это имеет для развития взаимоотношений? Зависит ли установление продолжительных взаимоотношений от уровня развития идентичности? Или эти два процесса идут рука об руку? Вопросы, подобные этим, нуждаются в последующих исследованиях, и исследовательские подходы, применяемые в исследовании социального познания, могут обеспечить пригодными для этого методами. Ясное понимание процессов, которые имеют место на формирующей стадии развития, такой, как подростничество, могут содействовать расширению сферы социального самопознания.

Различные направления исследований, упоминаемые в предыдущих главах этой статьи, иллюстрируют сложность и обширность процессов развития, имеющих место в подростничестве. Динамическая системная модель развития (Van Geert, 1991) может предложить концептуальные основания для понимания внутриличностных различий в уровне развития разных сфер. Она также может предложить понимание факторов, способствующих моделям отклоняющегося

развития. Обычно подростничество рисует широкое разнообразие различных сфер развития, многие из которых могут быть концептуализированы в терминах количественного увеличения. Например, конфликт с родителями может быть охарактеризован в терминах частоты споров, а взаимоотношения с ровесниками — в терминах количества социальных интеракций с товарищами одного возраста. Существенной особенностью модели является то, что развитие имеет место при условии лимитированных ресурсов. Быстрое развитие в одной специфической области будет иметь позитивные или негативные последствия для развития в тесно связанных сферах. Например, быстрое увеличение в количестве споров с родителями может привести к быстрому увеличению времени, которое проводится вне дома, или в количестве связей с ровесниками. Увеличение в количестве контактов с новыми подругами может оказать негативное воздействие на количество или качество контактов с приятелями-мальчиками. В соответствии с моделью, взаимоотношения, включенные в эти примеры, не являются обязательно линейными. Может быть важным достижение индивидуального порогового уровня. Ниже нормы нет видимых эффектов, выше нормы, наоборот, могут происходить заметные изменения.

Модель все еще требует проверки на эмпирическом уровне, и определенные теоретические вопросы проверяются до сих пор. Однако она предлагает основу для ясного понимания взаимоотношений между различными сферами развития в подростничестве и в другие периоды развития. Кроме того, исследование подростничества отличается включением исследовательской и контрольной групп. Динамические системные модели обеспечивают концептуальную основу для исследования внутриличностных различий в специфических сферах развития или для сравнения разных молодых людей в терминах их индивидуальных траекторий развития.

Перспективы развития взглядов на подростковое развитие

Во вступительной части этой статьи мы указали, что два последних десятилетия мы видим отход от представлений о подростковом развитии как

периоде бури или шторма и стресса. Оно замещено более тщательными исследованиями, подтвержденными скорее эмпирическими данными, чем клиническими наблюдениями.

Эффект этого изменения — различные "словари" для разговоров о подростковом развитии. Термины "буря", "шторм", "стресс" и "кризис" замещены такими словами, как "переход", "путь", "непрерывность" и "разрыв". Вместо акцента на подростковой стадии развития и ее характеристиках, связанных с другими стадиями, внимание теперь направлено на процессы изменения, совладания и регулирования, обычно происходящие на протяжении подростничества.

Изменение парадигмы не было связано с появлением новых взглядов на подростковое развитие. Несмотря на то, что понятия "шторм" и "стресс" были основаны первоначально на стадии-ориентированном психоаналитическом подходе, современные исследования подростничества не имеют ясной теоретической базы. Понятие формальных операций Пиаже (Piaget & Anhelder, 1974) дополнено серьезными размышлениями о когнитивном развитии в подростковом возрасте, а также содержит исследования, подчеркивающие активную роль подростка в его/ее собственном развитии (Nurmi, 1991; Sibereisen, Eyferth & Rudinger, 1986). Отдельно стоит лишь влиятельная теория, всплывшая в последние годы, — фокальная теория Колмана (Coleman, 1974; Coleman & Hendry, 1990). Она сохраняет некоторые характеристики возрастной теории (Coleman & Hendry, 1990, стр.206) в том плане, что предполагает, что во время юности беспокойство или трудности возрастают в зависимости от определенного типа взаимоотношений или, иначе сказать, проблема обычно становится центральной в определенном возрасте, а потом, в свое время, снимается другой центральной проблемой. Но, с другой стороны, она легко связывается с идеями, которые являются ведущими в современных исследованиях. Такие понятия, как переходный период, активное участие в чем-либо личном развитии, преемственность и непреемственность могут быть родственны модели развития, которую описывает Колман.

Несмотря на это, правдой будет сказать, что многие идеи Колмана все еще должны быть подвергнуты детальной проверке. Справляется ли большинство подростков с одной проблемой за определенное время, как это предполагают Coleman & Hendry (1990, p. 207)? Если это так, то является ли умение преодолевать одну проблему за определенное время неизменным показателем стабильности? В этом случае можно рассмотреть такие ситуации, как тяжелый семейный стресс, где фокусирование на проблеме самой по себе может быть не только неизбежным, но и связанным с другими проблемами поведения. Насколько точной репрезентацией нормального развития является волнообразная модель развития? Теория Колмана базируется на методе поперечных срезов, и определить, в какой степени изменения в главных проблемах влияют на индивидуальные модели развития как противоположные наиболее общим общественным тенденциям, невозможно. Эти, а также другие вопросы должны быть изучены до того, как статус теории будет утвержден.

И хотя вполне возможно, что дальнейшие научные исследования частично подтвердят идеи Колмана, но более фундаментальные проблемы останутся. Из этих проблем самыми главными являются две: недостаток внимания к познавательному развитию и особенно к социальному познанию, а также неудача в понимании роли самовосприятия по отношению к главным проблемам. Теория предполагает, что конкретные возможности и потенциалы уже определены и что способность решительно схватывать фокальные проблемы уже развита. Короче говоря, она потерпела неудачу в попытке адекватно определить оценку взаимодействия между различными сферами развития, значение экологических факторов и важность появления чувства самости как ключевого элемента в исследовании личности в период подросткового развития.

Позвольте нам закончить предположением, что построение более удовлетворительной модели подросткового развития будет характерной чертой исследований подросткового возраста в 1990-х годах. Она будет способна объединить не только результаты современных исследований, но и

идеи, которые могут возникнуть в течение десятилетия. С нашей точки зрения, это подтверждает теоретическое направление, которое более адекватно объединяет когнитивные и эмоциональные процессы, имеющие отношение к "Я", и социальное развитие в подростковом возрасте, которое также учитывает взаимодействие индивида с различными условиями среды (например : Von der Linden, 1991). Переходный период подростничества может быть сходным у большинства молодых людей, но виды траекторий, которыми они следуют во время этого периода, могут широко варьироваться . Новые перспективы исследования подросткового развития должны учитывать и такие вариации

*Британский журнал "Психология развития", 1992, N2, с 319-337.

(Перевод Е . Ароновой)

*(А Маслоу) Поведение, направленное на приспособление к обстоятельствам - в отличие от экспрессивного поведения (Прим, ред .)